

Сергей КОРОБКОВ

«КОГДА БЫ ГРЕК УВИДЕЛ НАШИ ИГРЫ...»

Камерный театр, созданный Александром Таировым 100 лет назад, в 1914-м, просуществовавший неполных 35 сезонов и убитый советским режимом, никогда не был фигурой умолчания. Невероятно длинным оказался его величественно «кровавый» след; неподвластными никаким копиям – спектакли-раритеты; уникальным – голос, играющий сквозь время обертонами Алисы Коонен – Федры, чей пурпурный плащ закрывал собой в расиновой трагедии сцену на Тверском бульваре.

Но и назвать Камерный театр фаворитом истории – нельзя. Слишком коротким и слишком нетипичным оказался его путь, оборванный решительно и навсегда. Ни апологетов ему, ни эпигонов не нашлось. Повторить, а тем более развить разлетевшиеся бенгальским огнем по всей Европе и за океанами идеи Таирова

ни у кого не получилось. По той простой причине, что Камерный театр не был театром идеи, способной конфликтовать с другими идеями – Станиславского, Немировича-Данченко, Вахтангова или Мейерхольда. Он, Камерный, был театром особого взгляда на мир. Особость и неповторимость сделались

В. Воронкова –
Алиса Коонен
А. Заводюк –
Александр Таиров.
«Камерный театр.
100 лет. Спектакль-
посвящение»
Московский драмати-
ческий театр имени
А.С. Пушкина.
Фото В. Лебедевой

однажды синонимами инакомыслия и заложниками трагического рока, витавшего над «театром, чуждым народу» ни один год кряду. Пока не превратили его в одну из самых восхитительных легенд мировой театральной истории. Постигать легенды трудно, иногда – невозможно. Худрук Московского театра им. А.С. Пушкина Евгений Писарев рискнул, и у него получилось то, что не давалось никому из предшественников: увлечь труппу, унаследовавшую здание на Тверском бульваре, некогда превращенное из городского особняка в Камерный театр, – историей дома как Театра и Театра как взгляда на мир.

Слов о театральной вере и умении нести свой крест, о художественном стоицизме и артистическом малодушии, о спрятанных по темным углам жизни войнах, которые нивесть зачем корежат мир, и о неразличимом в спящем свете софитов предательстве – в юбилейной документальной композиции «Камерный

Эпизод «Фамира-кифаред»

театр. 100 лет. Спектакль-посвящение» не прозвучало. Но они, слова – не произнесенные и не проговоренные – удивительным образом складывались в стройный, как гамма, эмоциональный ряд. По «эту» сторону рампы – где нарядный и узнаваемый зритель, поначалу не обремененный думами о былом, в непривычном по формату действе (2,5 часа без антракта) находил все больше сближений между «чужим» прошлым и «своим» настоящим.

По «другую» сторону рампы, на сцене, по собранным Еленой Греминой текстам из наследия – преимущественно Таирова и Коонен, писем и свидетельств, рецензий и правительственных циркуляров, сменяли друг друга главы докдрамы («Перемена участи», «Одиночество», «Режиссер», «Премьер», «Успех», «Одиночество», «Власть и смерть»). Меж главами – в арьерсцене, как на экране синематографа, возникали

стилизованные этюды-реплики к спектаклям Таирова – от «Фамиры-кифареда» до «Оперы нищих». Хронологию решили не соблюдать, текст, хоть и документальный, брался «вразлет», дабы акцентировать внутреннюю тему сцены, выделить драматургическим курсивом титульную идею той или иной главы. Больше всех тут «пострадал» Вахтангов, выступивший в начале 1920-х эстетическим оппонентом Таирова: его филиппика волей драматурга пролетела сквозь время, отчего глашатай «фантастического реализма» пополнил ряды злостных хулителей камерника-неореалиста, хотя не имел к его травле никакого отношения.

Документальный ряд, по правде сказать, сбило не раз, да и сцены-цитаты из таировских шедевров (за исключением, пожалуй, одной, где Вера Воронкова прочла монолог кооненовской Федры) получались иллюстрациями к пособию по утраченному методу великого режиссера. Никто и не думал, что Таирова можно повторить, тем более – спустя век. Кроме, может быть, Евгения Писарева, трижды за вечер объявлявшегося на сцене в роли Человека от Театра: он понял, что о Камерном театре можно и нужно рассказать и, главное понял – как.

В Человеке от Театра Писарев дал портрет самого себя – искренне увлеченного театральной историей артиста и режиссера, восстанавливающего сегодня из руин Камерного свой Театр и стремящегося найти ему опору в том, что было и близко, и возможно, и дожило бы до наших дней, если бы не трагедия, закрывшая черной пеленой взгляд на мир – не только таировский, но и его зрителя, и целого народа, и целой страны. Потому без пафоса, чуть полупшепотом, но чтобы было слышно в дальних рядах, Писарев сначала обратился к публике с прологом, сказав пару слов из-за такта. Потом, посередине действия, вышел и прочел письмо Немировича-Данченко, подставившего в крайние дни затравленному Таирову дружеское плечо, хотя искусства его никогда не принимавшего и не поддерживавшего. И в самом финале, когда опустили пожарный железный занавес (точно так, как опустили его по распоряжению Таирова на последнем спектакле

Камерного театра «Адриенна Лекуврер» в 1949 году), Писарев на узкой полоске у рампы прочел пророческое стихотворение «Я не увижу знаменитой Федры», написанное Осипом Мандельштамом в 1915-м, за семь лет до знаменитой постановки Таирова. Там есть такие строфы: *«Вновь шелестят истлевшие афиши, / И слабо пахнет апельсиновой коркой, / И, словно из столетней летаргии, / Очнувшийся сосед мне говорит: / – Измученный безумством Мельпомены, / Я в этой жизни жажду только мира; / Уйдем, покуда зрители-шакалы / На растерзанье Музы не пришли! / Когда бы грек увидел наши игры...»*. Прочел и признался от имени своей труппы, что «это был настоящий праздник, и мы рады, что хотя бы на один день наш театр снова стал Камерным». Зал встал. Запахло апельсиновой коркой.

В. Воронкова – Федра
Фото В. Лебедевой

